РАДОСТЬ ЖИЗНИ
НАТАЛЬЯ АРСЕНОВА
Милена великолепная

Наталья Аронова

Милена великолепная

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=609715
Милена великолепная: Эксмо; М.; 2011
ISBN 978-5-699-49032-5

Аннотация

Милена Буше – ведущая популярного кулинарного шоу, редактор отдела в глянцевом журнале, невеста олигарха. Кто усомнится в том, что она успешная и счастливая женщина, знающая вкус жизни?! Милена, или попросту Маша, тщательно хранит свою тайну. Дело в том, что она не приготовила ни одного из собственных «фирменных» блюд, не посетила и половины тех экзотических стран, о которых рассказывает, да и с олигархом все не так просто. Неужели все вокруг обман и вожделенная дольче вита – только лишь очередной миф?..

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 10
Глава 3 18
Глава 4 25
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Наталья Аронова
Милена великолепная

Глава 1

Я уверена – на свете полным-полно людей, которые терпеть не могут праздновать дни рождения. Но большинство из них скрывает свои истинные чувства. Потому что попробуй в этом признаться в обществе, и на тебя сразу посмотрят косо. А-а, подумают люди, кокетничает. Выпендривается. Хочет сказать: у меня такая хорошая жизнь, что каждый день – праздник и никакого дня рождения не надо. Поэтому все помалкивают. А ведь, если вдуматься, празднование – сплошное вранье. Почему человек должен радоваться тому, что становится на год старше?

Все эти соображения я изложила своей маникюрше Жанне. Жанна – экзотического вида брюнетка с дреддами. У нее пирсинг в носу, пирсинг в брови и в нижней губе и, полагаю, имеется еще на тех местах, что мне, к счастью, не видны. Каждое ее ухо проколото не менее шести раз. В тусовке она известна под прозвищем Жанка Компостер. Выглядит она дико, но аюрведический маникюр делает превосходно. Собственно, никто не знает, что в действительности представляет из себя этот самый аюрведический маникюр, но Жанна делает его с соблюдением наибольшего количества церемоний и тонкостей, так что ее методу принято считать за золотой эталон. Остальные мастерицы на ее фоне выглядят жалкими подражательницами, особенно когда пытаются изобразить фирменный взгляд Жанки Компостера. Такой же отрешенно-возвышенный, как у копеечных статуэток Будды, которые туристы чемоданами привозят из поездок. Массируя клиентке руки горячими мешочками, набитыми целебными травами, Жанна выглядит так, словно одновременно массирует и ее *дживу*.

– Что Веды говорят о праздновании дня рождения? – спросила я маникюршу, просто для поддержания разговора.

– Рождение, как и смерть, есть часть *сансары*. Привязываясь к дате своего рождения, человек отягощает свою карму и отдаляет момент *мокши* – освобождения из круговорота рождений и смертей, всех страданий и ограничений материального существования.

Торжественно произнеся эту ересь, Жанна низко склонилась над моими руками. Едва не подпалила прядь волос на невидимом огоньке свечи. Стоял солнечный день, в свечах ни малейшей необходимости не имелось. Более того – в ярком свете солнца огонька свечи не было видно. Но она все равно горела. Так по ритуалу полагается.

Из обширного декольте Компостера выпала цепочка с кучей разнообразных медальонов. Медальоны зазвенели. Там были и шриватса, и мандала, и триратна. И ваджра, конечно. А еще анкх, коптский крест. И око Гора, древнеегипетский символ. Среди всего я углядела и православный крест.

Я едва сдержалась, чтобы не расхохотаться.

Жаль, что сдержалась. В кои-то веки мне предоставлялась возможность посмеяться не на публику, не из вежливости, а над тем, что действительно показалось смешным.

Вообще-то, раньше я смеялась целые дни напролет. Но это было тысячу лет назад, еще в детстве. Девочки много смеются, особенно – счастливые девочки. В семье нас было трое, а значит, весь смех нужно умножить на три. Смех звучал в нашем доме с утра до вечера. Мы были, как в сказке, – три сестрицы. И звали нас, как в сказке – Елена Прекрасная, Катерина-искусница и умная Маша.

Елена Прекрасная была старшая и самая красивая. Наверное, ей одной досталась вся фамильная красота. Но она совсем не задирала нос. Хотя ей легко было зазнаться – что она красавица, это все признавали. Даже женщины, даже ровесницы. Просто ее красота казалась такой безусловной и уникальной, что ставила свою обладательницу выше зависти и даже выше подражания. У Ленки были пышные пепельные волосы, идеально тоненькая фигура, прелестное лицо со вздернутым носиком и огромными голубыми глазами. И она была добрая. И блистала самыми разнообразными талантами. Правда, блистала она везде, кроме школы. Но хорошей учебы от нее никто и не ждал. Не знаю, заметили ли вы, но в школе от красивых девушек требуют куда меньше, чем от обычных гаденьких школьниц с прыщиками и хвостиками. А у Елены Прекрасной было как минимум три причины на то, чтобы не учить наизусть стихи Некрасова, не вникать в алгебраические формулы и вообще не стачивать свои ровненькие зубки о неподатливый гранит науки. Лена занималась в модельном агентстве «Волжская красавица» – это раз. Посещала театральную студию – это два. Пела в поп-группе «Дюймовочки» – это три. Сама песенки сочиняет – это уж четыре до кучи! Любому ясно – Елене Прекрасной выпала судьба подняться до небес и жить там, в вышине, среди таких же звезд, в идеальном мире, какой можно увидеть только на глянцевых страницах модных журналов.

Катерину-искусницу, толстуху и плаксу, тоже уродиной не назовешь. И у нее волосы были пышные, а носик вздернутый. Училась она чуть получше, но тоже через пень-колоду, а пятерки получала только на уроке домоводства, на котором юных девиц обучали премудростям ведения домашнего хозяйства. К чему этот предмет в школе, почему девицы не могут учиться шить и готовить дома, у своих родительниц или там у бабушек, у кого те имеются, – совершенно неясно. Но Министерству образования виднее. Наверное. Помню, мы готовили какие-то бутерброды, потом винегрет и кормили мальчишек. Мальчишки съели это, и у них у всех разболелись животы. Но Катя была годом старше меня, и ее одноклассники никогда не травились продуктами домоводства. Хотя случаи членовредительства все же были. Когда двое мальчишек разбили друг другу носы из-за заварного пирожного, состряпанного моей умелой сестрицей. Все наши родственники приглашали Катю на семейные торжества с тем, чтобы она помогла приготовить жюльены или волованы. Но Катерина стряпала не только тонкие и сложные блюда, жюльены и тарталетки всякие, но даже вареная картошка получалась у нее куда вкуснее обычной. Или вот, к примеру, как делают и едят бутерброды простые смертные? Да просто отмахают ножом кусок хлеба и ломоть колбасы и съедят прямо у открытой двери холодильника, притоптывая ногой и роняя крошки, а потом утрутся рукавом да и побегут по своим делам. А Катя отрежет полупрозрачный ломтик хлеба, тонкий лепесток колбасы, добавит свежую веточку петрушки, каплю майонеза собственного приготовления, уложит всю красоту на фарфоровую тарелочку, и домашние сражаются за кусочек, словно это бог весть какое лакомство! И одеться она могла, как никто – переделывала готовые джинсы и маечки и получались почти дизайнерские вещи, каких ни у кого нет.

А третьей сестре, Маше, по-домашнему – Манечке, – ничего не досталось.

Манечка – это я.

Ни красоты, ни таланта, ни золотых рук.

Все с частицей «не». Не стройная я была, а плоская и костлявая; глаза не голубые, а серые, как скучный осенний дождичек; волосы не пышные, а лохматые; носик не изящно вздернутый, а просто курносый. И ни талантов, ни дарований – ничего-то мне не досталось, все разобрали старшие сестры. Да и откуда бы взяться талантам, если со старшей сестрой все равно не сравниться, а средняя сама тебе все сошьет-приготовит? Поэтому я старалась учиться. Мне это нравилось. Я прошла школьную программу с опережением на два года – делала домашние задания за сестер. Мне это ничего не стоило, а для них алгебраические формулы были темным лесом, и в библиотеки они носа не казали.

Я же, будучи настоящим книжным червем, из библотек не вылезала. К десяти годам перечитала все книги в детской библиотеке и меня записали во взрослую. Еще я сама писала рассказы, но никому их не показывала. Рассказы же – не стихи. Никто не хочет слушать тебя дольше пяти минут. Пять минут – это предел человеческого внимания. А кроме того, в семье уже имелась одна творческая личность. Ленка сочиняла стихи, и это было куда выгодней в смысле демонстрации таланта. Стихи можно положить на музыку и петь, а песню все послушают, особенно если ее поет хорошенькая девушка и аккомпанирует себе на гитаре. Закинув ножку на ножку. Старательно подбирая аккорды.

Ты помнишь, как птица ночью кричала,
Ты помнишь прощальный огонь причала,
Ты даже помнишь, что было сначала,
Только забыл, как сердце стучало,
Забыл, как сердце мое стучало…

О, черт, как же там дальше было?

Забыла.

Все забыла.

Да и есть ли смысл помнить такие мелочи, как стихотворение, написанное когда-то талантливой старшей сестрой к твоему четырнадцатилетию, если даже начертания самой судьбы – штука до крайности непрочная и их можно стереть, как когда-то влажной тряпкой стирали с доски ученические каракули? В самом деле, почему наши жизни сложились именно так, как сложились? Почему Елена Прекрасная отказалась от звездной карьеры и выбрала долю простой смертной – ничтожнейшей из смертных, по правде говоря… Почему Катерина, которая, казалось бы, рождена быть заботливой хозяйкой и прекрасной матерью, стала именно тем, кем она стала? Почему я… Почему я…

Почему я ненавижу свои дни рождения?

Ведь раньше я их любила. Мы все вместе пекли пирог – разумеется, готовила Катя, а мы с Леной просто терлись на кухне, рассыпая повсюду муку и поочередно окуная пальцы в облако воздушного крема. С утра приходили поздравить родственники, к вечеру собиралась компания молодежи. Мы зажигали свечи, включали музыку, самозабвенно танцевали. Одной бутылки вина хватало на всех, вся еда казалась вкусной, все шутки смешными… Куда это ушло?

Я задумалась. Вдруг кто-то схватил меня за голову горячими, мягкими лапами. От ужаса и неожиданности я чуть не завопила и вырвала свою руку из цепких пальцев Жанны, приступившей к массажу. Оказывается, ее напарница, неприметная девица в бледно-розовом сари, неслышно подошла ко мне со спины с горячим полотенцем.

– Что с вами, Милена? – маникюрша таращилась на меня во все глаза.

Она была вправе удивляться – я приезжала к ней на маникюр по меньшей мере два раза в месяц, и никаких сюрпризов в процедуре для меня не содержалось.

– Извините. Я задумалась, – объяснила я.

Жанна и незаметная девица понимающе переглянулись.

Может быть, мне это только показалось, но на душе вдруг стало еще мрачнее, чем раньше, а во рту появился гадкий привкус, словно я сосала медную монетку.

А ведь все так хорошо начиналось…

Я проснулась в хорошем настроении. Выпила имбирно-пряничный латте в «Старбаксе». Мне даже удалось впихнуть в себя сандвич. Распланировала день так, чтобы он оказался идеальным…

Но человек предполагает, а Господь располагает, или как-то так.

Настроение испорчено. А ведь впереди насыщенный самыми приятными хлопотами день.

– Что это за масло? – спросила я, уловив удушающе-сладкий, с прогорклыми нотками, запашок.

– Голубой гималайский мак, – многозначительно ответила Жанна. – Очень редкий и таинственный цветок, поэтому его масло такое дорогое. Он цветет только…

– Нет такого! – оборвала я маникюршу.

– Что, извините? – Жанна вытаращилась на меня, словно я была такой же редкостью, как и голубой гималайский мак.

– Нет такого цветка. Поэтому масло его не может быть ни дорогим, ни дешевым.

– Как скажете, – пробормотала Жанна.

Мне стало неловко. В конце концов, она не была виновата в моем дурацком настроении.

Что ж, аюрведические процедуры мне сегодня не удались. Будем надеяться, шопинг пойдет повеселее. Вообще-то, я покупаю гардероб в Милане. Но как раз пару недель назад выяснилось, что мне совершенно нечего надеть на вечеринку в честь собственного дня рождения. Мотаться в Италию мне было некогда. И тогда я позвонила в бутик «Prada» и попросила привезти мне платье. Вообще-то, следовало забрать его еще три дня назад, но я как-то замоталась, забегалась.

Правду говоря, у меня просто не было настроения. Для того, чтобы забрать вечернее платье от «Prada», нужно особое настроение, и я ждала, когда оно придет. Тщетно. Но это не значит, что свой день рождения я буду отмечать в каком-то старье.

Когда я притормаживаю у бутика, мое настроение улучшается. У меня чудесный маленький автомобильчик. Я только недавно расплатилась за него сполна, на радостях окрестила его бутылкой минеральной воды и назвала Мальчиком. В Мальчике пахнет моими привычными духами. Отвратительный запах масла почти выветрился. Мои руки выглядят превосходно.

Мне нравится бутик «Prada». Там все по высшему классу: продавщицы, тонко сочетающие вышколенность и фамильярность, и атмосфера богатства и легкомыслия, и то, что они держат для клиентов не только минеральную воду без газа, но и кока-колу.

А кока-кола – это очень вкусно. Хотя после одной баночки мне приходится сидеть три дня на капустной диете.

Но на этот раз меня встретили не старательные улыбки продавщиц, а фальшивый оскал кинозвезды Алены Фруминой. Вы же знаете Алену Фрумину? Наверняка знаете, если видели сериал «Звезда любви рассветной». Сериал невыносимо длинный и бездарный, с кучей исторических ляпов и сюжетных несостыковок, но он победно прошествовал по всем центральным каналам и теперь продолжает свою бессмысленную жизнь на каналах кабельных. Что интересным образом характеризует вкусы современных зрителей. Фрумина играет молодую и прекрасную отроковицу Анастасию, которая предназначена стать женой царю Иоанну Грозному, то ли пятой, то ли шестой. Но она влюблена в молодого опричника Семена… Дворцовые интриги, страшные тайны, тайные связи, потерянные и найденные дети. Боже, какая чушь!

Сейчас, когда у меня так часто бывает бессонница, и я бессмысленно переключаю телевизор с канала на канал, мне этот сериал частенько попадается. Вряд ли мне приходилось смотреть его дольше пяти минут кряду, но девица Анастасия даже за это короткое время ухитряется обнажить то ногу, то плечико, то даже бюст. Удивительная распущенность для тех суровых времен! Да ей бы за такое непотребство… Впрочем, выглядит Алена как скромница. У нее круглое личико, розовые щеки, длинные пышные волосы, которые она заплетает в косу. Получается такая кроткая шалунья, резвящаяся сиротка.

Когда-то мы с Фруминой были подругами. Насколько это вообще возможно в нашем кругу. Теперь между нами тот самый худой мир, который лучше доброй ссоры. Не стоило Алене кидаться на Стаса, едва я только уехала на Кипр. А Стасу не стоило мне об этом рассказывать, если уж на то дело пошло. О том, как Фрумина обхватила его поясницу мускулистыми ногами, натренированными в школе верховой езды. «Оседлала меня, как Буцефала», – с некоторой гордостью сообщил Стас. Фрумина шептала ему, что бедненькая Милена, то есть я, ничего не узнает. А они тем временем сполна насладятся друг другом. Выпьют до дна чашу счастья! Эти слова Фрумина явно позаимствовала из своей роли в сериале. Тоже мне, звезда любви рассветной!

Увидев меня, Фрумина засверкала всеми своими винирами так, что я невольно ощупала языком свои собственные зубы, ноющие после многократных отбеливаний.

– Миле-е-е-ена, – заблажила она отвратительным мяукающим голосишком, – как я рада тебя видеть, дорогая!

А я вот была совершенно не рада ее видеть. И не только потому, что Фрумина – змея подколодная, но и потому, что стояла она перед зеркалом в моем платье. В том платье, что я заказала для себя! А у ног Фруминой уже ползала девушка с полным ртом булавок. Разумеется, ведь мое платье оказалось звезде слишком длинно: Алена Фрумина, несмотря на весь свой невероятный гонор, ростом была от горшка два вершка, положение не спасали даже головокружительные шпильки!

Платье, надо вам сказать, было просто феерическое, такое грех осквернять иголками и булавками! Нежная ткань бледно-зелотого цвета, струящаяся драпировка, а по лифу вышивка серебряными розами. Между прочим, Фрумина с ее бежевыми волосами и сливочного оттенка кожей в таком наряде выглядела бледной молью – совершенно некрасиво и невыразительно. Этот цвет могла позволить себе только темноволосая девушка! Но Алена, кажется, ни о чем таком не думала и казалась себе невероятной красавицей.

– И я рада, – согласилась я, чтобы не завопить, как базарная торговка: «А ну, скидавай мое барахло немедленно!»

– Как тебе мое платье? – продолжала кривляться Алена.

– М-м-м… По-моему, этот оттенок бежевого тебе не идет. Сливается с кожей и с волосами.

– Неужели? – неискренне огорчилась змея подколодная. – А мне-то казалось…

– Ты в нем кажешься в два раза шире, – злорадно сообщила я. – Лица вообще не видно, просто непропеченный блин на плечах…

– Тем лучше, – вздохнула Алена. – Значит, у меня не получится затмить тебя на твоем празднике.

Вероятно, моя физиономия отразила некоторое сомнение – я очень хорошо помнила, что не приглашала эту змеищу на свою вечеринку. С чего бы это? Или я была пьяна, подписывая приглашения? Рука у меня дрогнула, когда я добавляла в свой вечерний чай черный ром?

– Я спутница Тодорова, – оповестила Алена и захихикала так, словно я была ее закадычной подружкой и сейчас должна порадоваться тому, что товарка так удачно устроила свою личную жизнь.

Вот только мне совсем не хотелось радоваться.

Тодоров – деловой знакомый Стаса, он был ему нужен, и Стас попросил, чтобы я его пригласила. Я его уже видела. И он произвел на меня впечатление. Разумеется, я не влюбилась, еще чего! Мое сердце отдано Стасу. У нас зрелые, сбалансированные отношения, мы очень серьезно друг к другу относимся… Но у Тодорова такие удивительные черные глаза, просто как у актера индийского кино!

Мама когда-то обожала индийское кино, у нее была целая коллекция фильмов на видеокассетах. Иногда по выходным мы раскладывали огромный старый диван в гостиной, укладывались все вчетвером под старый плед, смотрели «Любовь должна была случиться» или «Горькую правду» с неотразимым Аджай Девганом и жевали плюшки с корицей, выпеченные Катериной. У Тодорова были точь– в-точь такие черные глаза, как у Аджай Девгана.

А Фрумина, чувырла белобрысая, непотребная отроковица Анастасия, захапала себе этого красавчика, хотя она даже старше его. Не знаю, сколько ей лет, но по многочисленным приметам, знакомым только опытному глазу, я видела – она уже вступила в борьбу за молодость. В борьбу, которую нам всем придется проиграть.

Так нет же, мало ей Тодорова! Она и мое платье хотела захапать!

– Это платье привезли для меня. Почему его примеряет эта особа? – спросила я у продавщицы, почти не понижая голоса.

Та сделала круглые глаза и принялась оправдываться:

– Вы хотели забрать его неделю назад, но не забрали, и Нелли Владимировна приказала поставить его на продажу…

– Но я же звонила! – рявкнула я, не сдержавшись. – Я же звонила и предупреждала!

– Не звонили, – уверенно возразила продавщица.

– Какие-то проблемы? – подала голос Фрумина.

Не сомневаюсь, что она прекрасно слышала весь наш разговор от первого и до последнего слова, это можно было понять по ее победной улыбке.

Я знаю, мне следовало настоять на своем. Устроить сцену. Вызвать директора магазина. Я же помню, что я звонила. Или нет? В любом случае мне нужно проявить характер.

Но у меня это почти никогда не получается.

В сущности, я страшная размазня.

Да еще и врунья.

Впрочем, у меня это с детства.

Глава 2

Я знаю, принято считать, что женщина, достигшая вершин жизни, очень целеустремленная, и характер у нее – кремень, и нервы стальные.

Но для начала давайте разберемся, что такое – эти самые жизненные вершины.

Самое распространенное мнение, что самая крутая карьера для женщины – это быть у всех на виду и на слуху, тратить деньги на бриллианты, дизайнерские шмотки и косметику, развлекаться и вообще вести прохладную жизнь. Все девочки стремятся к этому, все только об этом и мечтают, а кто не мечтает – те слишком хорошо осознают, что грош цена им на этом празднике жизни.

Вот и я не мечтала о таком «празднике». Хочу напомнить, я была домашней девочкой, зубрилкой и книжным червем. Да еще и довольно страшненькой, особенно на фоне миловидных сестер.

Надо же мне было чем-то выделяться! Вот я и врала, как нанятая. Однажды я все новогодние каникулы провалялась дома с бронхитом, читала Луи Буссенара. А когда пришла в школу, рассказала, что за эти десять дней успела смотаться в Африку и путешествовала там в компании отважного охотника Виктора Гюйона, попросту Фрикэ, и спортсмена-миллионера Андре Бреванна. Самое интересное, что мне поверили. Разоблачила меня учительница географии, старая и вздорная Валентина Павловна. Она потащила меня к директору – для чего, для какой такой ужасной кары? Директор, к счастью, оказался разумным человеком, он и объяснил разгневанной географичке, что девочка любит читать, у девочки развита фантазия. Она будет учиться в университете, да, детка?

Итак, участь моя была предрешена, как пишут в романах. Я собиралась поступить на филологический факультет университета, потом, вероятно, пошла бы в аспирантуру, а там, глядишь, и сама стала бы преподавать русскую литературу девятнадцатого века. Завела бы себе десяток кошек, осталась бы старой девой и нянчила племянников или вышла бы замуж за кого-нибудь такого же скучного и правильного, в таком же, как у меня, полушерстяном костюмчике и стоптанных штиблетах.

Но судьба рассудила иначе. Или я сама немного переборщила? Началось все с золотой медали. Хотя не такая уж она была и золотая, между нами говоря… но все же давала право на поступление в любой вуз страны практически без экзаменов. Грех упустить такой случай. Вместо провинциального университета я поступила на факультет журналистики в МГУ и стала столичной жительницей.

Откровенно говоря, в моей жизни мало что изменилось с переездом в Москву. Только вместо собственной комнаты в родительском доме у меня появилась комната в общежитии. Я делила ее с соседкой – но и дома рядом со мной всегда находились сестренки. А так… Точно тем же покрывалом была покрыта моя кровать, и точно так же сидел на ней коричневый медведь по прозвищу Бантик, а на завтрак я варила себе овсяную кашку. Я была хорошей девочкой, не пила и не курила, не пользовалась косметикой и после занятий возвращалась к себе или торчала в библиотеке. Журналистка из меня выходила та еще, надо признаться. Я не испытывала ни малейшей «охоты к перемене мест» и все впечатления черпала из книг. Приближался выпуск, а я так и не решила, чем мне заниматься после университета. А ведь возможностей было море!

И это море однажды подкатилось к самым моим ногам – в лице моей сестрицы Елены, Елены Прекрасной, вполне себе процветающей столичной дивы. В те времена она, как и я, все еще проводила в жизнь собственные планы и следовала предначертаниям судьбы.

Правда, у нее уже тогда не заладилось. Она работала в модельном агентстве, но карьеры не сделала. Ее теснили молоденькие «вешалки», которые были даже не «строй-

ные» или «худенькие», а попросту истощенные. Она училась в театральном, но многого от выбранной профессии не ждала – кино по тем временам почти не снимали, а в театре платили гроши. Основные свои надежды Елена Прекрасная, как и многие из нас, грешных, возлагала на богатого мужа, который, разумеется, просто обязан был попасться в сети ее красоты и обаяния и забрать свою избранницу в дивный новый мир. Время от времени в жизни Елены появлялись претенденты на эту роль, но после строжайшего кастинга выбывали из борьбы… Или выбывала сама Елена. Но в тот день она была на коне, вернее, на белом «Мерседесе», и гордо смотрела в будущее. Ее остроносые туфельки цвета фуксии уверенно процокали по коридору общежития. К сожалению, я смогла предложить гостье только чашку чая – один пакетик на двоих. Впрочем, сестра принесла с собой трюфельный тортик из очень дорогой кондитерской, куда я по тем временам и носу сунуть не смела. Небрежно ковыряя погнутой алюминиевой ложечкой свой кусок, толщиной с папиросную бумагу, Елена сделала мне предложение, от которого я не посмела отказаться:

– Видишь ли, солнышко, мой бойфренд сейчас занимается подбором кадров для журнала «Стиль»…

Я молча кивнула. Журнал «Стиль» не входил в круг моего чтения. Но я, безусловно, видела его в киосках. Стоил он столько, что если бы я вздумала его купить, мне пришлось бы отказываться от завтраков в течение целого месяца.

– Я порекомендовала тебя. Ты можешь попробовать написать о кухне какой-нибудь страны.

– Я же ничего не понимаю в кулинарии! – испугалась я.

– Это всем известно, – удрученно покивала головой моя сестрица, рассматривая поцарапанную клеенку, всю в васильках. – Но тут это тебе и не нужно. Тебе же не предлагают написать точный рецепт – возьмите, мол, мешок муки, два литра молока и полкило сковородок… Нужно просто и красиво описать, что кушают в какой-нибудь экзотической местности. Может, саранчу, там, или червяков в пальмовых листьях…

– Да я не была ни в какой экзотической местности! Даже в Польше не была, даже в Болгарии!

– А ты вообрази, что была! У тебя же того, фантазия развита, воображение работает. Это же твой шанс, дурочка! Как ты не понимаешь?

Пришлось понять, тем более что Ленка припомнила мне мою африканскую авантюру по мотивам Буссенара… По старой памяти я решила остановиться на Марокко. Проштудировала литературу и атласы… Несколько дней думала только о Марокко, бредила им. Ходила по московским улицам, а видела перед собой мечети и фонтаны Марракеша, узкие переулки Касабланки и руины Анфы. Я, как наяву, любовалась аркой Каракаллы и трепетала перед собором Нотр-Дам. Я вдыхала океанский бриз Танжера и пряные ароматы базара Гран-Сокко. Ночами мне снилось пиратское золото Могадора и берберские украшения Тизнита, в ушах звучали страшные сказки Магриба и гортанные бедуинские напевы. Я прониклась духом Марокко. На моей бледной коже даже появились следы загара – откуда ему взяться, если лето в Москве выдалось непогожее и солнце почти не выглядывало из-за низких серых облаков? Я накупила разноцветных бус, звенящих браслетов. В секонд-хенде приобрела длинную летящую юбку, расписанную невероятными, жаркими цветами. Так в ней и пошла в редакцию, по моросящему дождичку. Относить материал, настуканный на университетском компьютере. Три страницы двенадцатым кеглем, они были заучены мной наизусть.

Я писала о полуденной трапезе после молитвы. Она начинается с овощного *мезе*. Холодные и горячие салаты заправлены тмином и оливковым маслом. Самый лучший, самый благоуханный из них – *батиджаан*. В нем жареные баклажаны перемешаны с апельсинами. Салат *таббуле* готовится из свежих томатов и поджаренных зерен пшеницы. Он заправляется давлеными листьями мяты… *Хуммус* – пюре из турецкого гороха – приправлен олив-

ковым маслом, чесноком и лимонным соком. В раскаленном масле жарится до хрустящей корочки *фалафель*, шарики из горохового пюре. Но нельзя налегать на закуски, потому что настоящая еда еще впереди. Суп *хариру* готовят из жирной баранины с бобами и кориандром, *чорба* – куриный бульон, но до чего душистый и пряный, он кружит голову, как вино! Скоро уже подоспеет *тажин* – мясо, тушенное в глиняном коническом горшке, который тоже называется *тажин*. Мягкое, кисло-сладкое, благоухающее шафраном и пряностями, тушенное с овощами, орехами, сухофруктами, с *зирой* и жгучим кайенским перцем… А *кускус*? Если уже не можешь есть, насладись хотя бы видом его – гора золотистой крупы на огромном блюде, в центре – кусочки мяса и разноцветных овощей. Тут и тыква, и репа, и перец, и морковь… *Кускус* готовят женщины, это их труд, их гордость. Его, как и остальные блюда, едят руками, потом споласкивают пальцы в чашах с розовой водой.

После трапезы заваривают чай, зеленый или апельсиновый, на апельсиновой душистой воде. Подают крепкий кофе с кардамоном или каху кассе – кофе, сваренный со сливками. А к чаю – ломти мускатной дыни, редкостные фрукты, орехи, выпечку, сделанную по старинным арабским рецептам. Кааб-эль-гзаль – нечто вроде круассана, рогалик из хрустящего теста, наполненный миндальной пастой. Баклава, прослоенная поджаренными и молотыми орешками, фисташками, фундуком и медовым сиропом. Макруд – трубочки, наполненные приторно-сладкими финиками. Марокканская халва – шебакия! Сюрприз для самых искушенных гурманов – пирожки бриуаты, медовые, но с начинкой из копченой рыбы. А высший пилотаж – пастила, подаваемая на стол только в праздничный день и только в богатых домах! Но это не наша привычная пастила, так называется слоеный пирог с начинкой из мяса голубей, крутых яиц и лепестков миндаля… Этот пирог предлагают самым уважаемым гостям, и чем больше в пироге слоев – тем больше почета гостю!

А ветер с моря доносит свежий, терпкий аромат рыбы. На стихийных рынках Агадира, Эс-Сувейры и Рабата, в темных портовых кабачках предлагают только что пойманную рыбу, хвастают жирными спинами скатов, пугают образиной каменного окуня, навязывают муарового тунца, сватают пахнущую женщиной макрель, грозят серебряными ножичками сардин! Груды креветок стрекочут, как сверчки, осьминоги протягивают лиловые щупальца! И тут же, на месте, вам могут приготовить крабовый салат с апельсинами, тушенную на гриле рыбу, макрель, фаршированную помидорами, *самак– би-тахина*, рыбное филе с солеными лимонами или *самак-кебаб* – рыбный шашлычок.

И все засыпается пряностями, пряности в том климате – благословение и необходимость. О сухой огонь красного и черного перца! О пламенная нежность имбиря! Молотым тмином заправляют и мясо, и сласти. Крупа приобретает солнечный цвет от порошка куркумы и шафрана. Звездочки аниса добавляют в плоские хлебы. Сезам, тот самый сказочный сезам из старинной сказки, открывающий любые двери, украшает сласти. А если ты новичок в тонком мире специй – покупай *рас-эль-ханут*, готовую смесь, пригодную для любых блюд!

Специи вызывают жажду. Пророк запретил правоверным мусульманам пить вино, но мы, неверные, вполне можем приобщиться к марокканским винам. Густое, как мед, «Аит Суала»; кроваво-красный «Магриб»; терпкий «Талеб»; лучисто-солнечное «Оста-ле»; кисло-свежий «Булуан»; «Шюд-Сотель» с неповторимым оттенком мяты в послевкусии; «Бассро», лучше которого нет к рыбе…

Я так увлеклась статьей, что забыла бояться, пока шла в редакцию. Думаю, я престранно там выглядела – этакая дикарка в позвякивающих браслетах, с бусинками в растрепанных волосах, с марокканским загаром, появление которого я могу объяснить только чудом. И чудом же было то обстоятельство, что мою статью взяли, напечатали и предложили писать еще.

Я была счастлива, правда, к бочке меда примешивалась малая доза горького дегтя – а что, если меня разоблачат? Что, если какой-нибудь бывалый путешественник и гурман, прочитав мою статейку в журнале «Стиль», воскликнет:

– Что за чепуха тут понаписана? Все это враки! Автора на мыло!

Верите, я даже ночью просыпалась в холодном поту, так боялась разоблачения. Но вот номер журнала «Стиль» появился в киосках, вот я увидела свою статью, напечатанную черным по белому, а бывалый путешественник и гурман не появлялся, чтобы вывести меня на чистую воду. Вероятно, он был занят своими делами – дегустировал где-нибудь на острове Палау суп из летучих мышей, к примеру.

Правда, статью мою здорово урезали, а вместо моего имени и фамилии, которую я носила от рождения, под текстом красовался невообразимый псевдоним: «Милена Буше»!

Но в редакции мне быстренько объяснили, что так и надо. Что Милена Буше – это звучит, а Мария Бушуева – не звучит совершенно. Я смирилась отчасти еще и потому, что рассчитывала прогреметь своей фамилией на поприще большой литературы и не желала трепать ее попусту.

Полученный гонорар заставил меня окончательно забыть и о дурацком напыщенном псевдониме, и об угрызениях совести. Так щедро мое вранье не оплачивалось ни разу. Не помню, куда я дела эти деньги. Должно быть, купила какую-нибудь ерунду или устроила вечеринку для однокурсников.

Но хорошо помню ощущение свободы и радости, овладевшее мною.

Рубрику сделали постоянной. Лихорадочные фантазии Милены Буше появлялись теперь на глянцевых страницах из номера в номер, от месяца к месяцу.

– А ты развернулась, сестренка, – с удовольствием констатировала Елена Прекрасная, перелистывая свежий журнал «Стиля». – О твоих заметках в Москве говорят… Кстати, если уж к тебе пришла слава, не хотела бы ты что-нибудь переменить в своей внешности?

– Меня все устраивает.

– Ну, ты у нас невзыскательная особа… Тебя-то все устраивает, а вот твоих новых работодателей…

– А что такое? – озадачилась я.

Елена повернула ко мне журнал. Говоря по совести, я не потрудилась ознакомиться с другими материалами. На форзаце красовалась групповая фотография – творческий коллектив «Стиля» в полном составе. Надо ли говорить, что меня там не было…

Меня просто не пригласили сняться для разворота.

– Не очень-то и хотелось, – фыркнула я. Но я покривила душой. Досада грызла меня, как червяк – яблоко.

– Может, они просто забыли, – заметила Елена. Мои чувства были для нее как раскрытая книга, и ее не получалось обмануть напускным пренебрежением. – Но тебе действительно пора сменить прическу, скажем. А твой гардероб? Ты вообще носишь что-нибудь, кроме джинсов и футболок? Что это за вязаный ужас? А косметика у тебя есть?

– Есть, – с гордостью сообщила я. – Вот недавно губную помаду прикупила. Целый полтинник отдала.

– Ах, детка, – вздохнула Елена. – Поехали-ка со мной.

– Куда?

– Начинается отделка щенка под капитана, – процитировала Елена свою любимую книгу.

И тут же принялась куда-то звонить. Для телефонных разговоров у нее был совсем другой тон и голос.

Я не была в парикмахерской с тех пор, как перед выпускным вечером в школе мне сделали укладку. В грязноватом салончике, где сильно пахло гречневой кашей, очевидно разо-

греваемой мастерами на обед, причесывала меня мрачная дама в несвежем халате. У меня возникло неприятное предчувствие, когда я увидела, что ее собственная шевелюра самым радикальным образом обесцвечена, начесана и залита лаком. Если уж она к своим собственным волосам так немилосердна, то что сделает с моими? Предчувствия меня не обманули. На моей голове образовалось точь-в-точь такое же воронье гнездо, что и у парикмахерши, минус «Блондоран». Дома я вымыла и расчесала волосы – не без труда, потому что лака на меня не пожалели. На выпускной пошла без всякой прически, что в любом случае дела не испортило – я была самой незаметной девушкой в классе…

С тех пор я не перешагивала порога цирюльней, ни провинциальных, ни столичных. Просто смирилась с тем, что с волосами мне не повезло. Жиденькие, цвет невнятный, да еще и торчат в разные стороны. С такими трудно сладить, если вот только стянуть резинкой и закрепить ободочком…

Но салон, куда привезла меня Елена, походил на нашу провинциальную парикмахерскую так же, как Елена на меня. И вообще напоминал интерьер инопланетного космического корабля. Там оказалось полно невообразимых предметов, назначение которых было мне совершенно неясно, клиенты сидели под серебряными пелеринами, а персонал порхал в серебряных комбинезонах. Меня представили инопланетянину Виталику.

– Ты уж постарайся, Виталик, – попросила его Елена, чуть ли не заискивая.

Виталик лапидарно кивнул и повлек меня к какому-то космическому прибору, оказавшемуся креслом. Я еще пыталась наладить контакт, но напрасно. Пришлось расслабиться и получать удовольствие, что я и сделала. Надо сказать, накануне я почти не спала, готовилась к сложному семинару, поэтому ухитрилась даже время от времени задремывать в удобном кресле. Иногда я все же бросала взгляд в зеркало, но каждый раз видела там нечто такое странное, что от страха предпочитала заснуть снова. Наконец меня растолкали и предложили оценить результат. Робея, я уставилась в зеркало.

Нет, я не изменилась до такой степени, чтобы не узнать себя. И не стала двойником Николь Кидман. У меня не появилось в одночасье густой и шикарной шевелюры. Но то, что я в минуты дикого самомнения называла прической, определенно преобразилось. Мои волосы стали более блестящими и гладкими. Их оттенок изменился – от блекло-мышиного в пепельный. И цвет глаз от этого казался поинтереснее, и кожа как-то выровнялась…

Я не стала невероятной красавицей, но перестала выглядеть неухоженной провинциальной цыпочкой.

Ошеломленная, я лепетала благодарности, которые Виталик слушал с утомленно-снисходительным видом. Елена, кажется, была не особенно довольна. Осмотрев меня с головы до ног, она спросила:

– А сколько ты весишь?

– Не знаю, – удивилась я. – У меня нет весов.

– Ну, ты даешь! Наверное, ты единственная девушка в Москве, которая не следит за своим весом. А на какой диете ты сидишь?

– На студенческой, – обозлилась я.

– Это как?

– «Макдоналдс» после стипендии, в остальное время – «Доширак».

– Очень нездоровая диета, – серьезно заметила сестрица.

– Хорошо тебе рассуждать, – не удержалась я от ехидного замечания. – Тебя твой сердечный друг ежедневно по ресторанам водит…

Елена вдруг так переменилась в лице, что я испугалась. На самом деле ее отношения с мужчиной, которого моя сестра называла «сердечный друг», оставались для меня тайной. Мне знакома была только внешняя сторона дела, выглядевшая сплошным праздником: подарки, цветы, рестораны. И сейчас, при взгляде на опечалившееся лицо Елены, я впервые

подумала – может быть, их отношения не столь безоблачны? Но тут же отбросила эту мысль, потому что сестра заявила:

– Переходи с дрянной китайской хавки на наш отечественный кефир. Тогда и у тебя, может быть, найдется сердечный друг, который станет приглашать в рестораны. Но чтобы у тебя появился более реальный стимул, я отдам тебе кое-что из своего гардероба… Как только ты сможешь в это влезть. Рост у нас одинаковый. Фигуры похожи. Будешь принцессой!

Мне понадобилось всего две недели, чтобы скинуть пять килограммов. Елена исполнила данное обещание. А мне не привыкать было – донашивать за старшими сестрами. Тем более что от Елены мне перешли очень хорошие вещи. Я совершенно не разбиралась в брендах, и все громкие имена звучали для меня как одна вязкая скороговорка. Но я все равно понимала, что мне достался отличный гардероб. Со вкусом у сестры было все в порядке. Все отданные ею вещи подходили друг к другу так, что я могла одеваться, не глядя.

В редакции это заметили и отметили. Приняли, как говорится, к сведению. Однажды девочки из отдела моды даже одолжили у меня серьги для какой-то важной съемки. Я удивилась – на мой взгляд, серьги были симпатичные, но ничего особенного. Так, лазуритовые пирамидки в серебряной проволоке. А модели заладили щебетать на каком-то попугайском языке: «Этро, этро»…

Я успешно защитила диплом на тему «Связи с общественностью в Интернете». Тема эта тогда была новой и перспективной, мне предложили аспирантуру, но я ушла от ответа. Я уже не представляла себя синим чулком в целомудренном твидовом костюмчике. Я почувствовала вкус и тягу к жизни. Будущее виделось мне в радужных тонах. Но сначала, прежде чем вступить в него, мне следовало разделаться с одной мелочью, на которую раньше не хватало ни сил, ни времени. А именно – приобрести сексуальный опыт.

Выпускной устроили в «Лагуне». Я была в бледно-зеленом платье, но уже не из гардероба Елены Прекрасной. Его я купила сама, и перед тем как достать кошелек, долго рассматривала ценник, прикидывая, не ошиблись ли продавцы, не добавили ли случайно лишний нолик? Увы, цена оказалась болезненно реальной, но удержаться от покупки я уже не могла – платье сидело безукоризненно. К тому же оно показалось мне единственным шансом привлечь внимание Никиты Павкина, моего красавчика-однокурсника, на которого я тайно заглядывалась все годы учебы. Тайно – не из-за девичьей застенчивости, а оттого, что сусальная красота чернокудрого, синеглазого Павкина казалась мне его единственным достоинством. Молодой человек был глуповат и самодоволен. Тем не менее то одна, то другая моя сокурсница падала жертвой его чар и уносилась с восторженной физиономией на его «Тойоте». Это давало мне основания считать Никиту искушенным любовником, которому можно, пожалуй, доверить мою перестоявшуюся невинность.

Но я ошиблась. Ох, как я ошиблась! Для своей цели я могла выбрать кого угодно, хотя бы пожилого профессора Игнатова, каждую лекцию начинавшего со слов: «Тут ведь в чем дело-то…», хотя бы видавшего виды бармена, виртуозно манипулирующего шейкером. Да чего там – даже охранник клуба, профессионально мрачный парнище с лиловыми прыщами на бритой шее, жующий зубочистку, справился бы лучше.

Сначала Павкин долго не мог понять, что от него требуется – вернее, он просто не замечал тех неловких знаков внимания, что я ему оказывала. Я не была сильна в искусстве флирта. Пришлось действовать напрямую – пригласить Никиту на танец. Он удивился, но последовал за мной на пятачок, где под пульсацию клубной музыки спазматически подергивались наши однокурсники.

После танца дело пошло повеселей – Никита купил мне коктейль «Маргарита» и начал нашептывать на ушко всякие занятные глупости. Впрочем, от волнения я не понимала ни слова, только проглотила два коктейля подряд, решив, что это мне будет кстати. Наши отношения развивались стремительно, и уже через час я согласилась на предложение Никиты

уединиться. Вставая из-за столика, я слегка покачнулась. Уп-пс, кажется, мне не стоило налегать на «Маргариту», ведь я совершенно не приучена к спиртному.

Я думала, мы сядем в машину и умчимся куда-то во тьму, в уютное холостяцкое гнездышко Никиты. Ночь, наполненная ласками… Блаженная усталость… Нежное прощание на рассвете…

Все же мне стоило читать поменьше книг и хотя бы изредка выбираться с подружками в клубы – чтобы изучать жизнь на практике, так сказать.

Никита повлек меня не к дверям, а к лесенке, ведущей вниз, в цоколь. Там располагались самые пафосные сортиры, которые мне только приходилось видеть. Зеленые полупрозрачные плиты пола подсвечивались снизу. Раковины и унитазы тоже были прозрачные и подсвеченные. Тихо играла музыка. Но, несмотря на все красоты, это место не подходило для романтического уединения. И только я собралась рассказать об этом своему кавалеру, как он впился ртом в мои губы. Перед поцелуем Никита позаботился освежить рот жевательной резинкой, так что я почувствовала холодок ментола, и… И больше ничего.

И тут Никита надавил мне на плечи самым недвусмысленным образом. Даже такая ботаничка, как я, догадалась бы, что это значит.

– Ну же, детка… Сделай мне приятное…

Организм возмутился за меня – выпитые коктейли вдруг рванулись из моего организма. Я вывернулась из рук Павкина, метнулась в кабинку и осквернила изящный унитаз в форме морской раковины содержимым своего желудка.

Павкин, разумеется, не стал ждать, когда я проблююсь, и отчалил обратно в зал, веселиться. Я умылась, прополоскала рот и покинула клуб. Я чувствовала себя оскорбленной. Как если бы я пригласила Павкина на домашний обед, а он предпочел перекусить шаурмой у привокзального киоска.

Как-то я поделилась своими мыслями с Еленой, но та расхохоталась мне в лицо.

– Ты думаешь, секс – для тебя? Нет, моя дорогая. Секс – для мужчин. Для того, чтобы держать их в руках. Помнишь царицу Цирцею?

– Цирцея своей любовью превращала мужчин в свиней.

– Вот именно. Потом этих свиней можно пасти, доить и пускать на сало.

– Свиней не доят.

– Этих – доят, можешь быть уверена.

Мы сидели у нее на кухне. Теперь у Елены было свое жилье, купленное ей в подарок ее… Женихом? Нет, она больше не называла своих многочисленных приятелей – женихами. Младшая сестренка выросла, и с ней можно было быть искренней.

– Да, я куртизанка, – с обезоруживающей прямотой признавалась Елена Прекрасная. – Если хочешь, гейша.

– Спасибо, я ничего такого не хочу, – пробормотала я.

– Презираешь меня? – прищурилась Елена. – Напрасно.

– Я не могу тебя презирать, но и не понимаю, как…

– Как я могла дойти до жизни такой? Что ж, я тебе объясню. Поверь, малютка, нелегко быть красивой девушкой в большом городе. Повсюду соблазны… И отовсюду, куда ни сунься, к тебе тянутся похотливые ручонки. Чтобы чего-то добиться, нужно быть сговорчивой. Быть ласковой. Они так и говорят – будь ласкова со мной, кошечка. Владельцы модельных агентств. Хозяева модных домов и ночных клубов. Продюсеры. Даже фотографы.

К счастью, это длится недолго. Тут главное – удержаться на плаву. Не растрачивать себя зря, не приобрести репутации легкой на передок штучки. Тогда грош тебе будет цена, и ты начнешь скатываться все ниже и ниже, пока однажды вечером не обнаружишь себя на трассе. Станешь приторговывать собой за шашлык из местного кафе и рассказывать товаркам о своей прошлой карьере… Причем они даже не поверят тебе, вот что обидно! Я сориентиро-

валась быстро. А вот многие не успели. Тщательный выбор, трезвый расчет, холодная голова и горячие объятия! У меня было несколько романов, каждый из которых поднимал меня на ступеньку выше. Я не стала топ-моделью, не стала поп-звездой. Зато я сделалась идеальной любовницей – женщиной, обладание которой льстит тщеславию. Женщиной, которая не даст мужчине заскучать, но и не будет докучать ему. Если он показывается со мной на публике – ему завидуют. Если он остается со мной наедине – его ждут самые утонченные наслаждения. Впрочем, – Елена дернула носиком, – нужно признать, немногим из моих приятелей нужен секс. Утоленное самолюбие – вот их главный кайф. И они готовы платить за это. Деньги, меха, бриллианты. Я ужинаю в лучших ресторанах. Я летаю на уик-энды в Париж. Я загораю на Мальдивах. Покупаю одежду в Милане. И главное – я больше не жертва, я охотник.

– И на кого же ты охотишься?

– А ты не понимаешь, дурочка? Мне нужен муж. Годы-то идут, часики тикают. Мне уже двадцать пять…

Я хотела ее поправить, но воздержалась. Прекрасная Елена просто слишком привыкла скрывать свой возраст.

– Уже двадцать пять. На пятки наступают молодые да ранние. Пора, пора мне вытащить свой выигрышный билетик. Замуж, и сразу ребенка. А ты смотри, не сделай такой глупости, не принеси в подоле. С тобой, сестреночка, поговорить за предохранение или сама разберешься?

– Уже разобралась, спасибо.

– Вот и ладненько. Так что не забивай себе голову глупостями, красотка. Получай удовольствие не от секса, а от других вещей. Сама видишь – из-за этой глупости подняли слишком много шума. Я вот, например, получила настоящий оргазм, когда купила эти босоножки от Джимми Чу… Примерь-ка!

Глава 3

Я слишком привыкла верить своей старшей сестре, чтобы подвергать сомнению ее жизненную позицию. Хотя, несомненно, для себя я желала лучшего… И большего. Откровенно говоря, я сомневалась в том, что мне стоит связывать свою дальнейшую карьеру с глянцевым журналом. Да, все это красиво, и блестяще, и увлекательно, но чем-то похоже на босоножки от Джимми Чу. Слишком тонки ремешки, слишком высоки каблуки, слишком много непрактичных блесток.

Для трудной дороги человеческого счастья нужно что-то понадежнее, пусть и попроще, и погрубее.

Я посоветовалась с Катериной. В конце концов, она тоже была моей старшей сестрой. Правда, она мало знала о жизни московского полусвета, но много – о жизненной лотерее, в которой так важно вытащить свой выигрышный билетик…

Как я уже говорила, Катя училась в школе весьма посредственно, зато хорошо стряпала и еще лучше шила. Она хотела стать модельером, но провалилась на вступительных испытаниях – ее рисунок оказался ниже всякой критики. Родители уговаривали Катю подождать год, поработать, а потом попытаться еще разок. Но Катя отнесла документы в медицинское училище. Там был недобор, и ее приняли. К всеобщему удивлению, ей понравилось в меде. Она стала почти отличницей. Может быть, ее преуспевание зависело от особенностей характера? Катя не признавала абстрактных знаний, которые приобретаются просто так, для общего развития. Она была девушкой практического склада. А так как она была еще и миловидной, то после учебы смогла найти работу мечты. Вернее, работа мечты нашла ее сама. В лице известного пластического хирурга Беляева.

Беляев, без шуток, был гением. Из разных концов страны к нему ехали дамы, озабоченные формой своих носов и грудей. Столичные львицы объявляли завистливым подругам, что едут подтянуть физиономию в швейцарскую или австрийскую клинику, а сами подавались в глубь страны, к Беляеву. Более того, гражданочки из Европы тоже наносили ему визиты, потому что делать пластику у Беляева им обходилось в разы дешевле, чем на родине. Но, как и всякий гений, Беляев обладал сложным характером и вздорным нравом.

Он третировал медицинских сестер, обзывая их дурындами, сонными тетерями и разинями. Впрочем, начальству он тоже спуска не давал. Беляев виртуозно ругался матом, был не дурак выпить и во время операций имел дурное обыкновение декламировать стихи, да какие! Таких стишков ни в одной хрестоматии не сыщешь – хулиганские вирши Лермонтова, к примеру, или даже срамные оды Баркова. В моменты очень хорошего настроения светило распевало частушки, тоже, как можно догадаться, малопристойные.

Пациенткам причуды хирурга казались милыми и забавными, они их развлекали, а вот персонал, бывало, нервничал. Правда, даже те, кто на дух не переносил обсценной лексики, крепко держались за свои рабочие места – в клинике недурно платили. И нипочем Катерине не попасть на такое доходное место, кабы не случай, бог-изобретатель.

В отделение челюстно-лицевой хирургии, где она проходила практику, Беляева привезли на консультацию. Катя видела из окошка палаты высокого и грузного человека, который медленно выбирался из автомобиля.

У Беляева была физиономия древнего римлянина времен упадка Империи – благородный, но несколько оплывший профиль, саркастически сложенный рот, веселые глаза и основательный нос клубничного оттенка. Когда этот «римлянин» вломился в палату к подопечному Катеньки, она остолбенела. Незнакомец был без халата и бахил, от него ощутимо попахивало алкоголем. Без лишних церемоний он прошествовал к постели больного и полез ему под повязки. Для полноты картины пришелец бормотал себе под нос что-то совершенно

неприличное. Катерина никогда еще не видела близко гениальных хирургов. Надо вам сказать, что палату занимал бизнесмен средней руки, пострадавший вследствие происков конкурентов. Моя невероятная сестрица предположила, что враги явились доконать пошедшего на поправку больного, и бросилась на его защиту.

Катя уперла руки в боки и сказала все, что думает о вторжении неизвестного нахала, а потом попыталась вытолкать его из палаты. Сбежавшийся на шум персонал стал свидетелем необыкновенного аттракциона. Миниатюрная медсестра Бушуева, уперев руки в обширный живот именитого хирурга, буксует ногами, обутыми в теннисные туфли, по недавно протертому линолеуму, а Беляев хохочет во все горло и называет ее маленькой злючкой. На кровати же в это время в пароксизме корчился пациент, которого и приехал осмотреть гений пластической хирургии. У бедолаги, видите ли, челюсть оказалась сломана в двух местах, и смеяться ему было совершенно противопоказано.

После инцидента в палате Беляев забрал Катерину в свою клинику. Скоро она стала его правой рукой. Из нее получилась блестящая хирургическая сестра.

У Кати был врожденный талант ладить с людьми. Она одна умела успокоить гнев своего патрона, кроме того, ее участие действовало на пациентов, как целительный бальзам. Катерина умела ободрить и приструнить, пошутить к месту и быть строгой. Восстановление шло быстрее и легче обычного. Отеки спадали, швы заживали.

Беляев души не чаял в Катерине. Дело в том, что пожилой бонвиван был одинок. Жена когда-то ушла от него, когда он еще не являлся светилом, а был обычным хирургом. Дети выросли. Сын-лоботряс и дочка-франтиха безостановочно тянули с папаши деньги, но эмоционального контакта избегали. Беляев, судя по всему, питал к Катеньке отечески теплые чувства. Поэтому, когда его пригласили работать в Англию, он согласился с одним условием – что его будет сопровождать его медицинская сестра.

– Должен же я говорить с кем-то, кто понимает мои матюги, – так он объяснил свое желание.

Катя с восторгом стала собираться на чужбину.

Наши родители колебались от радости к ужасу и обратно. Их успокаивали, объясняя, что времена железного занавеса давно прошли, что от Англии до России четыре часа самолетом, что повсеместное распространение Интернета уничтожает самый смысл разлуки.

Наконец они смирились и даже обрадовались тому, что Катюша, этот смешной плюшевый медвежонок, этот маленький поваренок, получила шанс так хорошо устроиться в жизни. Вот только их смущал спутник Катерины. Что, если у нее роман с этим пластическим хирургом? Он, конечно, человек хороший и врач от Бога, и к Катеньке прекрасно относится… Но он же значительно старше ее!

Впрочем, их опасения были беспочвенны.

Теперь Катя живет в Лондоне, работает в Harlingham Clinic & Spa. С родителями и со мной она общается по скайпу. Рассказывает невероятные вещи – что Беляев стал сторонником здорового образа жизни, похудел на тридцать килограммов, принялся бегать по утрам и женился по страстной любви на молодой англичанке. Присцилла – очень славная, она преподает в университете. Специалист по русской словесности. Сама Катенька кое с кем встречается, но ничего серьезного у нее нет, потому что работа отнимает слишком много времени.

Она на хорошем счету, говорит Катя, время от времени нечаянно переходя на английский. Она стала старшей сестрой. Это здесь почетно. Познакомилась с Лиз Херли, Кайли Миноуг и Мадонной. Правда, Мадонна в своих интервью отрицает, что прибегала к помощи пластической хирургии. Но это неважно. А вот Лиз Херли – очень милая и простая в обращении, подарила Кате аметистовые бусы. А Кайли Миноуг – свой новый диск с автографом. И когда мы уже приедем в гости? Правда, у Кати маленькая квартирка без кухни. Ведь она почти не бывает дома. Ну ничего, как-нибудь устроимся. Можно даже пожить в особняке

Ротшильда, где звезды проходят реабилитационный период. Там у Кати есть небольшая комнатка под самой крышей, где она спит, когда некогда или неохота ехать домой…

Странно было слышать, как Катя называет своим домом квартирку в Сохо. Странно было узнать, что в этой квартирке нет даже кухни – завтракает Катя по дороге, покупая себе кофе и пончик в «Старбакс», обедает на работе в кафетерии, а ужинает в кафе или заказывает что-нибудь на дом. И это она, простаивавшая у плиты все свободное время, с таким восторгом осваивавшая сложнейшие рецепты!

– Думаю, тебе нужно браться за любое дело, хвататься за все возможности, не упускать ничего, о чем ты могла бы потом пожалеть, – сказала мне бодрая, живая, как шарик ртути, Катерина. – Работай! Рискуй! Ты же еще такая молодая! Чего ты, собственно говоря, боишься?

Я боялась разоблачения своих фантазий, но, может быть, и этот страх тоже был очередной моей фантазией?

* * *

Прошел год. Двенадцать месяцев. Двенадцать материалов в «Стиль». За это время я прочно укрепилась на позициях модной московской куколки. Я обедала яблоком и ужинала кефиром, объясняя это заботой о фигуре, а не пустым кошельком. Посещала солярий, но в беседах упоминала о Египте и Греции. Качала пресс перед телевизором, а всем говорила, что посещаю модный фитнес-клуб. Снимала однушку в Бутове, но никому об этом не рассказывала. Одежда мне все так же доставалась от Елены. У нее был прекрасный вкус, и я получала почти полный гардероб.

Я узнала, что такое зависть. Раньше мне никто не завидовал. Ах, нет, завидовали девчонки в классе. Потому что у меня были такие замечательные старшие сестры.

Но впервые в жизни мне завидовали из-за того, чего я достигла сама. Хорошо помню тот день, когда меня вызвала к себе главный редактор, Варвара Устинова. В редакции ее звали ВэУ. Она знала об этом и полагала, вероятно, что это такое американское сокращение – когда человека зовут по первым буквам имени и фамилии. Но это были не инициалы, а аббревиатура слов Великая и Ужасная. Впрочем, не исключено, что она знала и об этом.

Варвара была миниатюрной девушкой с такой тоненькой талией, что мне всякий раз было за нее страшно – а ну как переломится надвое? Она всегда носила высокие каблуки, чтобы казаться повыше ростом, и одевалась очень нарядно – всегда в каких-то грациозных платьях, бусиках, в облаке цветочных духов. Голосок у нее был тонкий, и вообще она походила на чудесную тропическую птичку, трепещущую крыльями над яркими медоносными цветами. Но эта птичка обладала стервознейшим характером, недюжинным самообладанием и молниеносными реакциями гремучей змеи. Впрочем, разве редакторы журналов бывают другими?

– Милена, мне нравится, как вы работаете. Я давно за вами наблюдаю.

– Спасибо, – пробормотала я. Без особого восторга, потому что не знала, чего ожидать от этого разговора. К примеру, как вам такое продолжение: «Но, к моему величайшему сожалению, вашу рубрику за недостатком финансирования решено сократить, и поэтому я больше никогда не прочитаю творений, выходящих из-под вашего блестящего пера».

Но ВэУ сказала другое:

– И я решила реорганизовать вашу рубрику. Сделать из нее целый раздел в журнале. А редактором раздела будете вы. Что думаете?

– Я думаю, это прекрасно, – искренне ответила я. – Это будет раздел о… Э-э… Кулинарии?

– Кулинарии? – переспросила меня ВэУ, сморщившись так, словно я упомянула, скажем, дохлых крыс. – Конечно же, нет! Мы ведь не журнал «Работница», Милена! Хотя ваши зарисовки превосходны, но целый раздел, посвященный еде, – это чрезмерно.

– А о чем же? – переспросила я. Мне хотелось как можно лучше понять свою задачу, и я вовсе не желала раздражать Варвару.

– Я думала, вы сообразительнее, – язвительно отметила Великая и Ужасная. – Он должен быть вообще… Ну скажем так, об удовольствиях. О тех удовольствиях, что может предоставить нам жизнь. Название придумаете сами. К завтрашнему дню набросайте мне десятка два названий и представьте проект раздела. Я просмотрю, посоветуюсь кое с кем, и…

– Радость жизни, – брякнула я, испугавшись, что слишком низко пала в глазах Варвары.

– Это вариант названия? Мне нравится. Но все же поработайте там еще. Знаете, Милена, мне пора бежать. Значит, завтра я вас жду, скажем, где-то около полудня. Занесите проект, поболтаем, пощебечем о своих девичьих делах…

Меня нисколько не обманул легкомысленный тон предложения Великой и Ужасной. У нее была своеобразная манера выражаться, только и всего. «Где-то около полудня поболтаем» значило только одно – едва пробьет двенадцать, я должна как штык стоять на пороге кабинета редактора, держа под мышкой папку с проектом.

А я даже толком не поняла своей задачи!

И посоветоваться мне было не с кем. Поймите меня правильно, но если у вас имеются две сестры – почти ваши ровесницы, то подруг у вас скорее всего не будет. Но вот к сестрам вы сможете обратиться в любое время дня и ночи.

Я позвонила Елене Прекрасной, и она сказала:

– Приходи прямо сейчас. Купи по дороге бутылку вина. У меня девочки.

Ее «девочек» я про себя звала приспешницами. Это были – уже знакомая вам Жанна Компостер, тогда еще промышлявшая не аюрведическими тонкостями, а банальным наращиванием ногтей, и колдунья Вита, тоже в своем роде замечательный персонаж. Присутствие этих двоих значило, что моя сестрица на мели. В периоды благоденствия Компостер и колдунья в дом не допускались. Будучи при деньгах, Елена делала маникюр в каком-нибудь пафосном месте и достаточно уверенно смотрела в будущее, так что услуги колдуньи ей были как бы и без надобности. Но в случае финансовых проблем обе приспешницы оказывались тут как тут.

Елена покоилась на своем широком, застеленном белым мехом, ложе. По обе стороны от нее расположились приспешницы. Справа Компостер разложила на ночном столике маникюрные принадлежности – клещики, пилочки и скребочки, походившие на инструменты для пытки. Слева устроилась Вита со своими орудиями производства – картами Таро, увесистым хрустальным шаром, доской для спиритических сеансов и черно-розовыми свечами. Картина создавалось сюрреалистическая – колдунья и инквизитор за совместной работой! Впрочем, друг на друга дамочки поглядывали ревниво. Они явно соперничали за место у пьедестала Елены. А та лежала, откинувшись на подушки, как прекрасный божок, и равнодушно принимала знаки внимания.

– Машунчик, как я рада тебя видеть! Ну, усаживайся, где сама знаешь. Сейчас принесут пиццу. А ты вино купила?

– Две бутылки.

– Открыть сумеешь?

– А ты поможешь?

– Постараюсь. Мы постараемся, правда, девочки?

Девочки нестройно выразили согласие.

– Что составляет радость жизни? – спросила я, устроившись в кресле с бокалом. Пиццу наконец принесли – огромную, как колесо грузовика, головокружительно благоухающую. Я

с удовольствием откусила от своего ломтя и уточнила: – Ну, поесть – это понятно. Я еще вот записала – путешествовать. У кого еще какие версии?

– Выпить, – хмыкнула Вита, глядя на меня сквозь наполненный бокал. От вина ее испитое личико с узкими губами чуть порозовело.

– Секс, – мурлыкнула Компостер.

– Тратить деньги, – заявила Елена. – Нет большего удовольствия в жизни женщины, чем шопинг. Это я вам со всей ответственностью говорю.

– Прекрасно, – согласилась я, в душе, однако, несколько ужасаясь. Неужели это все? Неужели это все удовольствия, которые способен получить человек в современном мире? Животная какая-то жизнь… Но постойте, ведь было же еще что-то? Было ведь?

Но сама я уже не помнила, что там именно было, и думала только о том, как устаканить содержимое моей рубрики с общей концепцией «Стиля».

– А почему ты спрашиваешь? – поинтересовалась наконец Елена Прекрасная.

– Я редактор! – завопила я, не сумев сдержаться. – Редактор!

– Ну, ты даешь! – обрадовалась Елена, и мы некоторое время даже попрыгали, как делали это в детстве – взявшись за руки, хохоча и визжа.

– Мне к завтрашнему дню нужно сдать проект, – объяснила я, когда восторги утихли. – А у меня и конь не валялся.

– Сейчас мы этого коня завалим, – заманчиво пообещала сестра. – Девчонки, мозговой штурм!

На следующий день в кабинете Великой и Ужасной я демонстрировала свой проект. Он был фееричен. От него рябило в глазах. Проект представлял собой коллаж, нарезанный маникюрными ножницами из многочисленных глянцевых журналов, нашедших свой приют в квартире Елены. Тут был торт, похожий на клумбу, и клумба, похожая на торт. Тут была парочка, слившаяся в страстном поцелуе, и одинокая девица с книжкой в гамаке. Тут был бокал вина и бутылочка с минеральной водой. Зонтик в каплях дождя и чья-то загорелая попа в белых бикини. Туфли на шпильке и белоснежные кроссовки. Скачущие галопом лошади и пушистые котята, спящие в корзинке. Офисный стол и доска для серфинга …

– Н-ну, и что это значит? – процедила Варвара, рассматривая мое изделие скептически. От ее тона у меня похолодело в животе, и я вдруг растеряла весь свой апломб. Ох, напрасно я не последовала совету Виточки и не опрокинула перед презентацией проекта добрую стопку коньяку!

– Я всегда перед работой выпиваю, – интимно делилась со мной колдунья после того, как мы открыли вторую бутылку массандровского хереса. – Это стимулирует и вдохновляет. Иногда такое брякнешь, сама себе удивляешься. Откуда что берется? Наверное, коньяк чакры открывает…

Взгляд Великой и Ужасной закрыл мои чакры наглухо. Да еще и залил цементом поверху – для надежности.

– Все, что может доставить радость, – промямлила я. – Секс и отношения. Семейные обеды и дальние путешествия. Прогулки под дождем и загар на пляже… Модная одежда и спортивные тренировки…

Варвара смотрела на меня без удовольствия. Народ безмолвствовал – редакция «Стиля» в полном составе, явившаяся полюбоваться на мой позор, хранила молчание.

– Милена, все это уже есть в наших других рубриках, – с расстановкой, как добрая учительница несмышленой первокласснице, объяснила мне Варвара. – Есть рубрика «Ты и Он» – там про секс. Есть – «Твое тело» – там про спорт и диеты. Есть «Карьера» – там, как можно быстро догадаться, рассматриваются вопросы, связанные с работой.

– И про моду есть раздел, – вставила редактор модного отдела. – Про шопинг интересный материал…

У меня задрожали руки некрасивой крупной дрожью, и чтобы скрыть это, я взяла последний номер «Стиля», лежавший на столе.

– «Правила поведения на распродаже». «Что вы себе позволяете. Учимся экономить». «Коза Ностра. О чем следует помнить, начиная свое дело». «Секс-миссия. Тайны его тела».

Я читала вслух. И в кабинете вскоре стало тихо.

– О чем это все? – спросила я.

Кажется, мне удалось правильно поставить вопрос.

– Ну-у… О проблемах, которые стоят перед жительницей современного города, – сказал кто-то особенно умный. – О том, как их решить.

– Вот именно, – я потрясла «Стилем». Он был тяжелый и скользкий. – В рубрике «Радость жизни» мы не будем поучать. Не будем предостерегать и пугать. Жизнь – очень сложная вещь, это так. Но иногда мы сами усложняем ее – чрезмерными требованиями, напрасными ожиданиями, излишними расчетами… Что лучше – пить горячее молоко перед сном и радоваться его вкусу, знакомому с детства, или переживать, что пьешь молоко, а не мартини? Авторы рубрики будут говорить о том, как они радуются простым вещам. Объятию любимого или новым туфлям. А не о том, в каком месте любимого лучше обнимать и на какой распродаже купить эти туфли подешевле! И дело даже не в деньгах – дорогим вещам и удовольствиям тоже нужно уметь радоваться. Не выгадывая, не сквалыжничая, не трепеща перед материальной ценностью…

– А если мне доставляет удовольствие выгадывать и сквалыжничать? – весело спросил один из дизайнеров.

– Тогда с вас статья в рубрику. Только опишите ярко и сочно, как это приятно – сквалыжничать, как поднимает настроение и жизненный тонус… Чтобы все захотели посквалыжничать, чтобы у всех слюнки потекли!

Я сорвала смех и аплодисменты. И замолчала. Кажется, я выдохлась.

– Позвольте мне подвести итог, – сказала Варвара, плавно поднимаясь. Как будто ей могли не позволить! – Думаю, рубрике быть. Потом посмотрим, как она будет развиваться, почитаем отклики… А сейчас работать, дорогие мои, всем работать! Милена, а вы останьтесь, нам нужно кое-что обсудить.

Из кабинета Великой и Ужасной я выпорхнула через полчаса. Мне казалось, что я самого господа ухватила за бороду. У меня был оклад. Был кабинет. Мне даже обещали заграничные командировки, чтобы я могла продолжать свои кулинарно-экзотические экзерсисы. И пусть оклад оказался не так велик, как мне показалось в первый момент, а кабинет и того меньше – просто конура, отгороженная от общего зала матовым стеклом, в которую влезал только стол, стул и искусственный бонсай в уродливом горшке. Пусть заграничные командировки были мне только обещаны, а обещанного, как гласит пословица, три года ждут!

Я все равно находилась на вершине блаженства – хоть садись и пиши материал для собственной рубрики. А что? Назвать как-нибудь вроде: «Меня повысили – о, счастье!»

Но с похвальным благоразумием я решила придерживаться той темы, что дается мне лучше всего, и в тот же день наваяла статейку о дуриане. На этот раз меня даже совесть особенно не мучила – я подслушала в «Сбарро», как отчаянно молодящаяся рыжая дамочка рассказывала своей приятельнице про этот чудесный плод. Она, как я поняла, только что приехала из тура по Тайланду.

– А дуриан – это о-о! Это что-то! Представляешь, в отеле возле лифта висит табличка – перечеркнутый дуриан, и написано – но дурианс. Их даже в отель нельзя тащить. Я еще думаю – что такое? А потом поехали на экскурсию. Едем по шоссе, а вдоль дороги на обочине – торговцы, торговцы… и перед ними плоды навалены, такие круглые, зеленые, и все в шипах. Мы остановились, а гид сразу предупреждает – в автобус с дурианом не пустят. Он все провоняет, и его ничем не выведешь. Поэтому торговцы продают его под открытым

небом. А рядом, знаешь, столики расставлены, и туземцы сидят, наслаждаются. Стоит еще такая специальная машинка вроде сверлышка, которой они дурианы вскрывают. И вот мы, как только вышли из автобуса, сразу почувствовали этот запах. Димка мне и говорит – издох тут у них кто-то, что ли? Потому что реально пахло, как тухлое мясо и гнилой лук, вместе взятые, только еще в сто раз сильнее.

– Фу-у! И зачем такое едят? У них что, есть больше нечего?

– Так ведь вкусно же! И полезно, говорят. Говорят, это афродизиак такой. Повышает температуру тела и возбуждает. Витамины там всякие. Кстати, лакомство недешевое. И вот мы с Димкой решили попробовать. Не сразу получилось, конечно. Представляешь, его нужно есть только ложкой. Иначе в кожу рук въедается этот запах – и все, хоть мой, хоть не мой, никак ты от него не избавишься. Только через неделю, может, слегка ослабнет. Развалили нам этот дуриан, внутри такая мякоть, будто творог рыночный, желтоватый.

– И ты ела?

– Сначала не могла. Только наклонюсь над ним, завтрак наружу просится. А Дима смеется и говорит – а ты как водку, выдохни вот так – хха! – и в рот. Я ему говорю: я и водку пить не могу, это ты у нас по этому делу профессор. Но потом все же пересилила как-то себя.

– И как на вкус?

– Очень необычно.

– Ну, на что похоже?

– Даже и не передать. Вроде бы как сливочный крем с клубникой и шоколадом… А в него еще вареного лука добавили.

– Гадость какая!

– Да нет, очень даже ничего. Они там все по этому дуриану с ума сходят. Мороженое из него делают, соус к рису. Пирожные заварные, пироги вроде наших шарлоток, блинчики с дурианową начинкой, даже леденцы. Королем фруктов его называют! Только вот с алкоголем он несовместим. Один мужичок из группы с утра размялся, а потом дурианчиком закусил, и так ему стало…

Судьба горе-туриста осталась мне неизвестной – дамочки поднялись и ушли, а я быстренько набросала сведения о дуриане в свой блокнот. Потом добавила туда еще немного информации из книг. Например, я выяснила, что специфический запах этого плода проистекает из-за содержащихся в нем летучих соединений биологически активной серы. А сера – это же антиоксидант, препятствует старению и помогает снизить вес. Эх, знала бы об этом молодящаяся дамочка, ее бы от дуриана за уши не оттащили. Да еще и вес снизить помогает! Пишут – сжигает жир. Ну, скажу я вам, хорошо, что этот фрукт транспортировке не подлежит – в Москве бы за него врукопашную дрались. Нашлась и малайская пословица – «Когда дуриан падает, саронги у мужчин поднимаются». Значит, правда афродизиак. Не наврала рыжая.

– А ты сама его пробовала? – спросили меня девочки в журнале, когда я сдавала статью.

– Разумеется, – сказала я со сдержанным достоинством.

– Какая ты храбрая! Это вот ты в отпуск ездила, да?

– Угу, – пробормотала я и ретировалась.

В отпуске я была дома, у родителей.

Они плакали надо мной так, как будто я пришла с войны на побывку и скоро мне опять на фронт.

Мне даже показалось, что мои волосы пахнут пороховой гарью. Мама непрестанно пекла пироги и плакала в голос. И я ела эти пироги. С луком и яйцами. С капустой и грибами. И сладкие, с курагой, с яблоками. Какой уж тут дуриан! Правда, потом мне пришлось сидеть на диете. На войне как на войне.

Глава 4

Однажды мне позвонили из юридического отдела нашего Издательского дома и сказали:

– Милена, а вы знаете, что ваши книги продаются в магазинах?

Я как раз спала, и мне снился очень красочный сон. Я сразу забыла, о чем он был, но подумала, что этот звонок и эти слова – продолжение сна. Что я написала какие-то книги, их издали, они продаются в магазинах, и вот теперь мне звонят знакомые. Поздравляют.

Но потом я проснулась окончательно и очень удивилась.

Юристы очень не любят, когда их переспрашивают. Наверное, они считают, что их хотят на чем-то подловить. Я видела судебные процессы в кино и знаю, что там как раз если хотят на чем-то подловить, то переспрашивают. Говорят:

– Так вы уверены, что видели гражданку Иванову, в три часа ночи выходящей из сапожной мастерской с ручным павианом в обнимку?

А потом приводят какой-то сокрушительный довод, и продуманная тактика защиты рушится на глазах. И всем ясно, что обвиняемому светит лет триста строгого режима.

У главы юридической службы была фамилия Генералов. Она очень ему шла. Он неприятно фыркнул, когда я спросила его:

– Что значит – мои книги? Я никаких книг не писала.

– Приезжайте, – устало сказал юрист и отключился. Так я и не успела его ни на чем подловить.

Я приехала, а на столе у Генералова лежали две маленькие книжечки, изданные на плохонькой бумаге. На обложках примерно такие же коллажи, которые мы налепили с Еленой, Компостером и Витой, когда готовили мою презентацию после тех бутылок массандровского хереса. Книжки называются «По рецепту всему свету». Дурацкое название, хуже и придумать нельзя. Открываю книжку посредине – и тут же мне в глаза бросается знакомый текст, так что я даже ослепла на секунду. Такое бывает, когда окно распахиваешь и тебе солнечный зайчик прыгает в глаза.

– Ну как? – спрашивал юрист.

У Генералова была победная физиономия. Он не разоблачен, а, напротив, торжествует. Он вообще не так чтобы очень неприятный тип, а вполне красивый мужчина, высокий и с орлиным профилем. Вот только у него страшно волосатые пальцы, волосы растут прямо на фалангах и на самой кисти. Так что когда он шевелит руками, они похожи на мохнатых пауков. Бывают такие пауки, птицееды. Некоторые разновидности убивают человека одним укусом. Вот он сидел, стучал пальцами по столешнице, а мне казалось, что это два паука ко мне подбираются. Едва удержалась, чтобы не прихлопнуть их книжкой.

– Вы ведь не давали своего разрешения на публикацию? Не подписывали договора?

– Нет.

– Это точно?

Я почувствовала себя как закипающий чайник.

– Потому что если между вами была договоренность…

Чайник начал тихонько шуметь.

– …лучше сказать сразу…

Вода закипела ключом.

– …если мы начнем судебный процесс…

Вода побелела, пар вырывается из носика чайника.

– Потом трудно будет откатить все назад, и возникнут проблемы…

Все – чайник бурлит и подскакивает, крышку сорвало.

– Почему вы разговариваете со мной таким тоном? – взвизгнула я. – И… и вообще?

Разумеется, меня сразу успокоили, извинились, принесли банку холодной газировки. Генералов еще что-то говорил. Как я поняла, этим бедолагам из маленького обнаглевшего издательства грозили серьезные проблемы. Если вдуматься, так им и надо. Но все же у меня вышла книга! Настоящая книга, приятно толстенькая. А я не чувствую никакой радости. Потому что меня обокрали. Почему они не попытались договориться со мной? Я бы не просила большого гонорара. Может, я вообще бы дала согласие на бесплатную публикацию… И что это вообще за издательство такое? Как оно называется? Ах да, «Версаль». При чем тут вообще Версаль? Впрочем, я давно заметила – чем меньше и захудалей учреждение, тем громче оно норовит самоназваться. Но «Версаль» ни в какие ворота не лезет. В провинциальных городах так называют дешевые забегаловки с паленой водкой на розлив и карамельками в качестве закуски…

Остаток дня я просидела в кофейне. Выпила столько кофе, что он булькал у меня в голове, когда я ехала домой. А ввечеру мне позвонили из самого «Версаля».

Что интересно, я как раз подумывала о том, чтобы выключить телефон. Но не успела.

– Извините, Милена Антоновна, не могли бы вы уделить мне пару минут?

– Только если это будет действительно пара минут, – сказала я. Очень шикарно. Так говорят героини фильмов о жизни в большом городе – стильные, уверенные в себе женщины.

– Мне бы хотелось лично…

– Тогда приезжайте.

Вряд ли я сама знала, зачем зову этого «версальщика». Может быть, мне хотелось полюбоваться на его унижение и позор. А может, мне кофе в голову кинулся. Хотя скорее всего мне припекло спросить его, зачем он так со мной поступил.

Правда, едва увидев его, я все поняла. Он был старательно одет, как одеваются только бедные люди. Богатые люди могут позволить себе протертые джинсы и футболку, измятую известным дизайнером. Пиджак какой-нибудь сверху накинуть. Ботинки из состаренной кожи. А у него, у Версаля этого, были брючата с отутюженными стрелочками. Наверное, сам утюжил, через тряпочку. И ботинки начищенные. Рубашка, пахнущая стиркой. Бедненько, но чистенько, в общем.

– Милена Антоновна, – начал он, и я его сразу прервала.

Мне самой понравился этот жест – я выставила руку ладонью вперед и принесла прохладным тоном, подслушанным у Великой и Ужасной:

– Во-первых, рада тому, что вы знаете мое имя. Вы не указали его на обложке книги, так что сейчас я имею право удивляться. Во-вторых, вы можете звать меня Миленой, или Марией Антоновной…

– Как у Гоголя, – сказал «Версаль».

– Что?

– Ну, у Гоголя в «Ревизоре». Дочка городничего, Марья Антоновна. Извините…

Как-то сбил он меня с тона. Разумеется, я была в курсе того, что меня зовут как дочку городничего. Вот только я давно не встречала человека, который бы мне об этом сказал. Последним, кажется, был преподаватель русской литературы на втором курсе. И теперь вот этот. Значит, тоже книжный червь. Вроде меня.

– Н-да… Так что же вы мне хотели сказать? Вас-то, кстати, как зовут?

– Алексей Федорович, – поклонился Версаль. Он смотрел на меня выжидающе. Наверное, ждал, что я закричу: «Надо же, как Алешу Карамазова!» Но я кричать не стала.

– Чего же вы от меня хотите, Алексей Федорович?

– Договориться! – едва не закричал он.

Так заверещал, что я немедленно вспомнила о своей роли снежной королевы и отхлебнула остывшего кофе.

– Договариваться нужно было раньше.

– Бес попутал, Мария Антоновна, – убедительно заговорил Версаль, прижимая к руки к галстуку. – Хотелось издательство приподнять. Дело всей жизни ведь пропадает. Сам не знаю, как на это пошел…

– Вы мне еще про детей малых расскажите.

– Что ж, и дети есть. Я знаю, ваш юрист мне звонил… Озвучил сумму иска. Это невозможно, Мария Антоновна, клянусь вам, невозможно. У нас таких денег нет. Обанкротимся ведь. Уже не поднимусь.

– Да что ж вы от меня-то хотите? – удивилась я.

– Откажитесь от претензий. Задним числом напишем договор. Выплатим вам гонорар. Выпустим допечатку, где будет указано ваше авторство. Да что там – еще издадим. Две книги! Три! Знаете, даже в самые первые дни продажи были неплохие. У вас большое будущее… Не стану обещать многое – но все, что могу, сделаю. Не погубите, Марья Антоновна…

Все это было для меня чересчур и стало напоминать сцену из какой-нибудь пьесы Островского.

– Я – вор, да, я – сволочь. Но вы-то, вы девушка добрая, милая, душевная. Я сразу, как вас увидел, сразу и понял, какой вы человек. Вы же сами потом замучаетесь угрызениями совести. Послушайтесь своего сердца, прошу вас. Хотите, я перед вами на колени встану?

– Еще чего придумали! Значит, так. Сейчас я ухожу. О своем решении сообщу вам по телефону. Ясно?

– Ясно, – закивал мелко Алексей Федорович. – Всю жизнь вам благодарен буду… Надеюсь, вы примете правильное решение.

Ночь спала плохо. Мучили кошмары. Бледный и трясущийся Алексей Федорович являлся мне во снах. Где-то поблизости были и его дети, голодные и истощенные. Все они норовили бухнуться передо мной на колени. Встала разбитой, поехала к юристу. Рассказала о вчерашнем разговоре.

Генералов смотрел на меня, как на умственно отсталого ребенка. С добротой и сочувствием. Он сказал:

– Милена, как вы наивны. Это разрывает мне сердце. Он же ловкач. Специалист по подобного рода махинациям. Он давил на жалость, потом на честолюбие. Но я не позволю вам наделать глупостей. Я все сам решу. И знаете, что я вам хотел сказать…

Я затаила дыхание. Ну, интересно же, что он скажет. Хотя я и сама очень проницательная. Я сразу поняла, что Версаль меня обманывает и вообще жуликоватый тип. Слишком ботинки у него блестели. У приличных людей так не блестят.

– Вы не обращайте внимания на его посулы. Я читал ваши материалы, они исключительно интересны. Милена, вы очень талантливая. Наш Издательский дом, на который мы оба работаем, непременно издаст ваши книги. Тем более что будет скандал. А скандал – это известность. Такой старт – половина успеха. Вы меня понимаете?

Его мне было куда проще понять, чем хозяина «Версаля». Генералов не воровал у меня статей, не перевирал мои тексты (я успела пролистать на досуге «По рецепту всему свету»), он выглядел солидным человеком, которому можно доверять. Единственный его недостаток – волосатые пальцы. Ну, тут уж человек не виноват. Это генетическое. Глупо выглядело бы, если бы он их брил или удалял с помощью воска. Это как-то мелко и не по-мужски. Потом, наверняка есть женщина, которой это нравится. Которая обожает эти руки. Впрочем, Генералов не женат, кольца на пальце не видно. На волосатом пальце…

– Милена!

Я вздрогнула.

– Простите, я задумалась.

– Надеюсь, вы примете правильное решение, – сказал Генералов, точь-в-точь словами директора «Версаля». Но прозвучало это по-другому.

Как приказ, которого нельзя ослушаться.

– Да. Приняла.

– Вот и хорошо. Наши сотрудники подготовили ряд документов. Вам надо их просмотреть и подписать.

– С удовольствием.

Я подписала все, не читая. Все равно я ничего не понимаю в юридическом эсперанто. Это какой-то ужасный язык. Он похож на китайский – в нем каждый иероглиф может иметь сто тысяч значений, в зависимости от контекста. Но то, что сказал мне Генералов, когда я закончила подписывать, двойного толкования не допускало.

А он произнес:

– Милена, не хотели бы вы сегодня пообедать со мной?

Я согласилась. Потому что меня никогда не приглашали обедать такие импозантные юристы. И это событие так вскружило мне голову, что я совершенно забыла, что обещала позвонить Версалю. Совсем у меня это из головы вон. Да и потом, что бы я ему сказала? Простите, я решила вас засудить? Сам должен понимать, чем подобные поступки заканчиваются. Не маленький.

Но он сам позвонил, где-то через три недели. Мой роман с Генераловым шел полным ходом. Мы уже не только обедали, но и ужинали, и танцевали. Он уже намекал, что ему мало поцелуев в машине. Что он ждет, когда я буду готова, с превеликим нетерпением. Это нетерпение я не могла разделить, как ни старалась. Но ведь это были отношения! Настоящие зрелые отношения со взрослым и ответственным человеком! И я должна оставаться на высоте.

Конечно, меня удерживал страх. Позвольте вам напомнить, что я на тот момент была еще невинной маргариткой.

Проконсультировалась со старшими товарищами – дала шанс Елене Прекрасной похихикать надо мной вдоволь.

– Не забудь сказать ему, чтобы он был поаккуратнее.

– Неловко как-то. Вот так с места в карьер заявить – ты, дорогой, первый? Подумает, что это его к чему-то обязывает.

– Тем лучше.

– Я так не считаю.

– Тогда ничего ему не говори. Будет сюрприз.

– Ничего себе сюрприз…

– Ну, хочешь, я свожу тебя в клинику? Один небольшой надрез, и твои проблемы будут решены. Давай?

– Давай.

– Серьезно?

– Серьезно – ты глупости говоришь. Потому что надрез тут ни при чем. Не в этом дело.

– А в чем?

– В отсутствии у меня необходимого опыта.

– Тогда давай – надрез и пять мужиков подряд. Наберешься опыта.

– Опять же – глупости.

– Ах, глупости? – возмутилась Елена. – Ты скажи просто, что тебе не хочется. Знаешь, если нет желания, то лучше не затевать все эти пляски.

– Тю-у, – удивилась я. – А кто уверял, что секс – это не для женщины, а для мужчины? Про Цирцею и свиней кто говорил?

– Малютка, – грустно произнесла Елена. – Все, что я говорила, относилось ко мне. А не к тебе. Тебе нужно его хотеть. Нужно, чтобы бабочки порхали в животе. Чтобы колени

подгибались. Я же не говорю тебе о любви. Черт ее знает, я и сама не понимаю, что это такое, есть ли она вообще и откуда берется, и куда уходит. Но желание – это важно.

Я думала над ее словами и над многим другим. Так что вы сами понимаете, занятая своими важными проблемами, я забыла о «Версале». И ответила на звонок самым игривым тоном.

А мне сказали:

– Марья Антоновна…

Таким голосом, что у меня сердце похолодело. И я сразу поняла, что это «Версаль». Мне надо было отключить телефон, потому что я совсем не обязана с ним разговаривать. Но я стояла с этим своим похолодевшим сердцем и пошевелиться не могла. Мне показалось, что произошло что-то ужасное, немыслимое.

– Зачем же… Я думал, вы… Вам же самой теперь жизнь не в радость будет…

Я наконец ткнула пальцем в красную кнопку и давила на нее, пока экран телефона не погас.

А потом в газетах написали, что он покончил с собой.

Мне стало здорово не по себе, когда я об этом услышала. Но везде писали, что это произошло из-за каких-то семейных обстоятельств. Семейные обстоятельства у людей бывают страшно сложные. Например, жена изменила. Или скорее всего он сам жене изменил. Обманывал ее, а сам говорил: «Да, я сволочь. А ты – добрая. Хочешь, встану перед тобой на колени?»

Но жена его все равно раскусила и ушла. И тогда он – ап – вниз головой с балкона.

Все равно мне стало не по себе, когда я прочитала эту заметку. У меня мелькнула мысль, не в день ли своей смерти он мне звонил. Но я не стала сравнивать даты, незачем. И постаралась забыть этого несчастного неудачника.

Как вы можете видеть, не преуспела.

Генералов между тем предпринял самый решительный штурм.

Он пригласил меня в Париж на выходные. Как говорится, на уик-энд. Насчет Парижа можно говорить только так. Например, в Урюпинск можно съездить на выходные, а в Париж – только слетать на уик-энд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.